

Место и роль России в евразийской идентичности

Владимир ЕГОРОВ

Владимир ШТОЛЬ

Ольга ЗОЗУЛЯ

Идентичности в социально-политическом процессе вообще и структурировании геополитического пространства в частности инкорпорировались в отечественный академический дискурс сравнительно недавно. В связи с новизной вводимого в научный оборот феномена идентичности после советской ортодоксии, связанной с абсолютизацией классовой структуры общества, авторы монографии «Политическая идентичность и политика идентичности», посвящённой этой проблеме, были вынуждены предпослать собственно исследованию специальный том, раскрывающий понятийно-категориальный аппарат данной тематики [1, с. 208]. «Изменения общей структуры идентификационных ориентиров современных макросообществ, – по мнению авторов, – воздействуют как на конфигурацию коммуникаций, так и на устойчивость ключевых институциональных основ современного миропорядка» [1, с. 16].

Актуальные политические события придают лишь большую весомость такому взгляду учёных. Вместе с тем современные социально-политические

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического анализа РГСУ, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail:* korika@mail.ru

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России. *E-mail:* v.shtol@gmail.com

ЗОЗУЛЯ Ольга Александровна – кандидат исторических наук, доцент МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail:* ozozulya@mail.ru

Ключевые слова: идентичность, евразийство, Северо-Восточная Русь, между Западом и Востоком, монголо-татарское иго.

¹ Политическая идентичность и политика идентичности. Т. I. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2011.

тренды явно диссонируют с выводом авторов о том, что глобальная «модернизация... становится универсальным императивом... обращённым ко всякому сообществу нашего сегодняшнего мира и предполагающим одновременную универсализацию идентификационных моделей и интенсивное расширение спектра составляющих идентичностей» [1, с. 16–17].

Наблюдаемый в современности тренд эволюции идентичностей, напротив, значительно отклоняется от универсальности и всё ближе наполняется контентом, определяемым национально-культурной повесткой. Относительно релевантным может считаться оценка идентификационных трансформаций, ориентированных на универсальность только в отношении западных сообществ. Да и то исключительно в рамках трансатлантизма, проявляющегося в военно-политическом единстве или стремлении к «онтологической безопасности» [2].

Наполнение идентичностей национально-культурным контентом происходит особенно активно в наступившую эпоху глобальной турбулентности, которая характеризуется углубляющимся разломом между консолидированным Западом и не-Западом, где связующим мотивом последнего становится стратегия общественного развития, ориентированная на самобытность и суверенитет.

Проблема научной разработки феномена идентичностей обретает актуальность и социальную значимость на фоне появления «футурологических» проектов, например, предложенного В. Сурковым проекта «Цивилизации Севера», и сопровождаемых их дискуссий.

Геополитическую ориентацию России на Восток В. Сурков назвал «галлюцинацией», а безусловный перспективный вектор её развития определил так: «Что же можно различить впереди, если попытаться взглянуть поверх миражей? Что будет, если убрать с шахматной доски ложные фигуры? Будет Великий Север – Россия, США и Европа, образующие общее социокультурное пространство. Трехединый северный геополитический кластер». Свои «смелые» предположения автор основывает на абстрактных построениях или личных предпочтениях [3].

На фоне происходящих глобальных перемен евразийская идентичность как идейное течение обретает очертание реальных общественно-политических практик и

возвращается в активный ракурс научной проблематики [4].

На уровне отдельных рефлексий общественного сознания евразийство зародилось задолго до оформ-

² Ефременко Д.В. Миропорядок Z. Необратимость изменений и перспективы выживания // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3.

³ Цит. по: Романов Б. Наблюдая бурный синтез цивилизаций // Независимая газета. 2023. № 254(8881). 21 ноября.

⁴ Bassin M., Kelly C. [eds.]. Soviet and Post-Soviet Identities. Cambridge, Cambridge University Press. 2012; Лепешев Д.В. Проблемы культурной идентичности в современном евразийском пространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 1. № 2; Он же. Евразийская цивилизационная идентичность: к определению понятия // Вестник КемГУКИ. Серия «Культурология». 2019. № 48; Журавлева С.М., Иванов А.В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 1 и др.

ления в концепцию, начавшую пробивать себе дорогу во взглядах части русских интеллектуалов-эмигрантов в начале 20-х годов прошлого века.

Российское самопостижение проявлялось и в общественных настроениях, разделившихся по рубикону Восток – Запад в период:

- монголо-татарского нашествия;
- внешнеполитических исканий Ивана IV;
- церковного раскола XVII в.;
- петровской европеизации XVIII в.;
- дискуссий западников и славянофилов XIX в.;
- борьбы за продвижение парламентаризма и советизации России в период русской революции начала XX столетия.

Следует заметить, что из-за особенной исторической судьбы, амбивалентности общественных и культурных практик только Россия могла стать колыбелью евразийства, и не только потому, что вбирала в себя сердцевину Евразии, хартленд, и естественным образом составляла территорию, которую невозможно исключить, обойти, обнулить в любом контексте, связанном с одним из шести материков планеты; и не только потому, что Российское государство на протяжении длительного исторического периода включало в своё политико-правовое пространство значительную часть населения Евразии, но и потому, что евразийство имеет более глубокое основание, несводимое к эксклюзивному набору факторов. Характеризуя более узкую национальную идентич-

ность, Э.Д. Смит в качестве признаков таковой выделял общность не только территории, но и историческую память, мифологию, общую культуру [5].

Важно отметить, что актуализация евразийства в теоретическом дискурсе и уж тем более геополитике стала возможной после постепенного преодоления глобального евроцентризма. Вопреки политической, экономической, культурной целесообразности Европа лишь в ограниченном конъюнктурном формате легитимировала российский европеизм. Старый Свет не желал признавать, что помимо Запада в его «организме» присутствует неотъемлемая компонента – Восток.

В ответ на европейский изоляционизм первая волна евразийцев заявляла об «исходе на Восток» [6]. В сакрализации Европы, отвергаемой евразийцами, приняли участие в том числе и отечественные интеллектуальные силы.

Н.Я. Данилевский писал: «Запад и Восток, Европа и Азия представляются нашему уму какими-то противоположностями, полярностями. Запад, Европа составляют полюс прогресса, неустанного усовершенствования, непрерывного движения вперёд; Восток, Азия – полюс застоя и коснения, столь ненавистных современному человеку. Это историко-географические аксиомы, в которых никто не сомневается, и всякого русского правоверного последователя современной науки дрожь пробегает при мысли о возможности быть причисленным к афере застоя и коснения. Ибо, если не Запад, так Восток; не Европа, так Азия – середины тут нет; нет Европо-Азии, Западо-Востока, и

⁵ Смит Э.Д. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М.: Праксис, 2004.

⁶ Люкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 4.

если бы они и были, то среднее между-умочное положение также невыносимо. Всякая примесь застоя и коснения уже бред и гибель...» [7, с. 199].

Исходя из принципа «Познай себя и будь самим собой», Н.Н. Алексеев тонко подметил дуализм социальной рефлексии российской идентичности – разрыв «между духовной жизнью высших классов и духовной жизнью широких народных масс».

С эпохи Петра Великого первые жили «духовными интересами западноевропейского культурного мира», не только подражая Западу, но и «своеобразно претворяя западные начала в русской стихии. Русские же народные массы в это время жили своей собственной, во многих отношениях ещё и теперь не опознанной жизнью, чуждой западным влияниям и питающейся единственно силами русской национальной души» [8, с. 68].

Таким образом, фундаментальный потенциал русской духовности формировался в культурной среде широких народных масс, имманентной мультикультурности и адекватной межнациональной аккультурации в большей степени, чем заимствованные элитой европейские культурные нарративы. Именно этим обстоятельством обусловлена органичность русской духовности внутри процесса генезиса и развития евразийской идентичности.

Чутко воспринимая ментальную инаковость и несовпадение с привычными ценностными ориентира-

ми аксиологии «новой Родины», оплодотворённая православием интеллектуальная мысль евразийцев предпочла изменить евроцентризму и пошла в сторону обоснования «туранских» корней российского этоса.

Так, Н.С. Трубецкой в работе «О туранском элементе в русской культуре» (Берлин, 1925 г.), обосновывая азиатскую доминанту России, писал: «Восточнославянские племена занимали первоначально лишь незначительную часть той громадной территории, которую занимает современная Россия. Славяне заселяли первоначально только небольшую западную часть этой территории, речные бассейны, связующие Балтийское море с Чёрным. Вся прочая, большая часть территории современной России была заселена преимущественно теми племенами, которые принято объединять под именем "туранских" или "урало-алтайских"... Само объединение почти всей территории современной России под властью одного государства было впервые осуществлено не русскими славянами, а туранцами-монголами» [9].

По мнению Ф.А. Степуна, «туранство» евразийцев «было возвращено ненавистью к тем силам, что привели Россию на край гибели, и к тем другим, что цинично надеялись нажиться на её несчастье, т. е. к порождённой Петром Великим западной интеллигенции и к принявшим расхищать её западным странам» [10]. Ф.А. Степун категорически отрицал «антиевропейскую идеологию евразийцев», справедливо полагая нераздельность сложившейся идентичности, в которой центральное место принадлежало России.

Именно потому, что Европа отказывала и отказывает России в духовном и социально-политическом род-

⁷ Данилевский Н.Я. Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческой? // Русская историософия. Антология. М.: РОССПЭН, 2006.

⁸ Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003.

⁹ Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Русский мир. М.: Эксмо, 2003. С. 738.

¹⁰ Степун Ф.А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 568.

стве, всегда стремясь к выстраиванию барьеров, «европейскость» евразийского единства обеспечивалась трансляцией Россией западных паттернов, длительное время окормлявших исключительно отечественное элитное сообщество в азиатское социокультурное пространство. Потенциал европейской культуры, инкорпорированный в российский этос благодаря западничеству элит, несмотря на его некоторую автономность и даже трансцендентность, всё же стал неотъемлемой частью национального духовного пространства.

Дуалистичность культурного процесса России с точки зрения инициации евразийской идентичности, безусловно, играла конструктивную роль. Центральное место России в евразийской идентичности, помимо прочего, определяется её многосоставностью, объединяющей европейскую и азиатскую, также неоднородные, идентичности. Так, последняя включает субидентичности: например, ближневосточную, центральноазиатскую, восточноазиатскую [11]. В этой связи именно Россия явилась и является агрегирующим центром, удаление от которого сопровождается нарастанием в первом случае «европейскости», а во втором – «азиатскости».

Именно такое геополитическое позиционирование России было характерно взглядам Н.А. Бердяева. В работе «Миросозерцание Достоевского» он писал: «Россия не Запад, но и не Восток. Она есть великий Востоко-Запад, встреча и взаимодействие восточных и западных начал. В этом сложность и загадочность России» [12].

Далеко не всегда территориальные локации, разделяющие общие географические и естественные условия, становятся основанием региональных идентичностей.

Целый набор политических, исторических и даже естественных факторов может являться препятствием интеграции идентификационных скрепов. Тем более необязательно результативной может быть политика конструирования идентичности. Однако вряд ли оправданно исключать значение всех перечисленных факторов в её формировании.

Малопродуктивным представляется и попытка отыскать в их ряду доминанты, сыгравшие абсолютную роль в складывании идентификационных кодов.

О некорректности попыток политического, культурного конструирования идентичностей только на основе географических или других естественных критериев говорил ещё Н.Я. Данилевский.

Он писал: «...Деление из части света есть деление искусственное, что единственный критерий его составляет противоположность между сушей и морем, не объемлющая собою всех других различий, представляемых физической природой (различий топографических, климатических, ботанических, экологических, этнографических и проч.), критерий, не обращающий даже на них внимания, что по одному этому уже, следовательно, части света не представляют и не могут представлять свойств, которые одну из них ставили бы в противоположность другой, что выражения: европейский, азиатский, африканский тип суть только метафоры которые мы приписываем целому свойству его части...» [7, с. 199].

¹¹ Бутрин Д. Обратно к тысячелетней истине // Коммерсантъ. 2021. № 22(6984).

¹² Бердяев Н.А. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Э, 2016. С. 473.

Ещё большим заблуждением является стратегия политики идентичности, выстраиваемой на противопоставлении другим сообществам, по образцу «Россия – анти-Европа». Не только евразийская, но идентичность вообще предполагает свободный культурный обмен, не ограниченный идеологическими или политическими паттернами.

Идентичность не формируется через политическую интеграцию: мирную или насильственную, в результате завоевания или навязывания воли. Об этом говорят многочисленные уроки истории.

Так, не увенчались успехом предпринимаемые Александром Македонским меры по культурной ассимиляции завоёванных народов [13], как, впрочем, безуспешными являлись и все последующие аналогичные акции в истории Европы и Азии.

Прецеденты контрпродуктивного «конструирования идентичности» известны истории. Один из таковых – предпринятый французским мыслителем А. Мартеном в книге «Россия и Европа», опубликованной в 1865 г., в которой историк утверждал, что русские не славяне и не индогерманцы, а народ, относящийся к тюрко-алтайским племенам и, кроме внешности, не имеющий сходства с европейцами. Мало того, русофоб утверждал, что от русских не следует ожидать культурного и нравственного роста. Их единственной способностью является склонность к быстрому размножению. Этот народ, по мнению А. Мартена, представлял опасность для европейской цивилизации и заслуживал быть вытесненным за Урал. «Благородная» миссия вытеснения должна принадлежать подлинно славянскому народу – полякам [14].

Евразийская идентичность – это сложный многоуровневый феномен, являющийся продуктом не только аккультурации или универсализации культур, и, конечно, евразийская идентичность не описывается процессами политической интеграции, а охватывает весь комплекс факторов, наполняющих экзистенцию (существование) и составляющих общий социетальный потенциал народов, наций и государств, участвующих в её генезисе и развитии. Проще говоря, идентичность вообще и евразийская в частности есть порождение общности особого социального качества, возникающего в процессе исторически протяжённого сосуществования, сопровождаемого взаимным культурным обменом.

Необходимо отметить, что важным шагом в складывании евразийской идентичности в VII – начале XI в. на территории Восточно-Европейской (Русской) равнины стали трансевропейские торговые пути, связывающие Европу и Восточный халифат. Включение Волжско-Окской и Днепровско-Волховской речных артерий в международную торговую систему сформировало, по словам Г.С. Лебедева, уникальную полиэтническую балто-славянскую общность, заложившую основу мультикультурности особого типа, а также обеспечившую материальный фундамент древнерусской государственности, естественно вбиравшей в себя паттерн социокультурной интеграции [15].

¹³ Докашева Е.С. Великий Шёлковый путь. Полная история. М.: АСТ, 2020. С. 42.

¹⁴ Мартин А. Россия и Европа // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. М.: Изд-во МГУ, 2013.

¹⁵ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005.

На всём протяжении товарного трафика (основным предметом которого стало куфическое серебро), связавшего Европу и Восточный халифат, были образованы военно-торговые фактории (города-эмпории), контролировавшие и регулирующие его бесперебойное функционирование. Эмпории притягивали к себе поликультурное население пассионариев, пренебрегавших мирной обстановкой и оседлым образом жизни.

Современная археология располагает достаточным материалом, раскрывающим внутренний мир таких протогородов, находившихся в верховьях Волги и Днепрово-Волховского торгового направления [16].

Вполне естественно, что в силу своей военной и судоходной подготовки доминирующее положение в городах-эмпориях занимала норманнская элита (варяги, викинги).

Дискуссии норманистов (говоривших об особой их роли в становлении древнерусской государственности) и антинорманистов (утверждавших, что происхождение государства Киевская Русь – результат внутренних социальных процессов у славян), по мнению А.П. Новосельцева, не заслуживают серьёзного внимания. И варяги, и восточноевропейские племена «находились в VIII–IX вв. приблизительно на одном уровне социального развития. В этих условиях норманны, разумеется, не могли принести славянам ни более высокой

культуры, ни государственности. Зато одностадийность развития способствовала более лёгкому общественному синтезу пришельцев и аборигенов (славян и финно-угров)» [17, с. 6].

Присутствие в некрополях торгово-ремесленных городов (эмпориев) отдельно располагающихся варяжских захоронений с прослеживающимся по предметам материальной культуры заимствованием славянского компонента отмечали М.Б. Свердлов и И.П. Шаскольский [18].

Место норманнов в формировании Древнерусского государства, безусловно, не соответствовало примитивному утверждению об их цивилизаторской миссии и насаждении государственного порядка. Резонно предположить взаимную заинтересованность аборигенов и северных пришельцев, в одинаковой мере извлекающих пользу, в том числе материального свойства, из эксплуатации трансъевропейских торговых путей.

Кроме того, акт призвания варягов славянами был обусловлен, как утверждает А.П. Новосельцев, тем обстоятельством, что «значительная часть восточных славян, включая полян, была подчинена хазарам». «Подчинив своему контролю полян, родимечей, северян и вятичей, хазары тем самым держали в своих руках большую часть торгового пути из Европы на Восток». Хазарский контроль, сопровождаемый взима-

¹⁶ Булкин В.В., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ. С. 138–139; Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2. Серия «Славяно-русские древности». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995.

¹⁷ Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3.

¹⁸ Свердлов М.Б., Шаскольский И.П. Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв. // Скандинавский сборник. 1986. № 30.

нием регулярной дани деньгами и пушниной, грозил охватить самую северную оконечность торгового пути – «земли словен ильменских и кривичей» [17, с. 6–7]. В этих обстоятельствах вполне логичным выглядит факт приглашения некоторыми финскими племенами и словенскими варяжских викингов (862 г.) на условиях договора (ряда)*.

Заняв ведущее место в военно-торговой организации городов-викинов, норманнское воинство тем не менее не выделялось особым социальным положением в среде других насельников эмпориев и быстро интегрировалось в славянскую и финно-угорскую культурную среду.

Неразрывная связь культурно-хозяйственных типов земледельческих поселений восточных славян и военно-торговых факторий на пути «из варяг в греки» была предопределена общностью естественно-физического источника их генерации – речной системой, одновременно являвшейся необходимым природным условием землепашества и важной транспортной коммуникацией, обеспечивающей успешную торговлю с внешним миром и транзит товаров с территорий, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии [19].

Центральной осью, пересекающей восточнославянский ареал, являлась речная система Днепр – Ловать – Волхов, определявшая направление расселения славянских племён и являвшаяся основой формирования пути «из варяг в греки». «Двигаясь с юга, славянское население раздвигало к западу и востоку массив балтских и финских племён». На этой же системе образовались главные центры консолидации восточнославянских земель – Киев и Новгород.

Со второй половины VIII в. благодаря росту транзитных потоков товаров по волжскому пути, связывающему Восток с Европой, в орбиту международных торговых связей были вовлечены территории волжско-окского междуречья, северные и северо-западные области, населённые восточными славянами. Устойчивый характер опорного пункта торговли приобрела Ладога. Именно в связи с контролем над узловой торговой факторией, «являвшейся воротами на Балтику, если двигаться с юга», и «началом пути с севера в глубь континента», Ладога стала первым форпостом проникновения «варягов» на восточнославянскую территорию.

Позднее в местах, требующих участия этой «организующей силы», появились аналогичные Ладоге фактории: Рюриково городище, Новый Торг, Волок Ламский, городок Темирево, Михайловское, Сарское поселение и т. д.

Сложившаяся на пути торгового транзита система городов-эмпориев предполагала стройную организацию, характеризующуюся наличием княжеской власти, объединявшей равных в социальном статусе дружинников, единого центра – её модератора, в качестве которого в силу своего центрального положения выступил Киев.

¹⁹ Носов Е.Н. Речная сеть Восточной Европы и её роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 159.

* Дата призвания варягов условна. По мнению многих исследователей, появление варяжских конунгов следует относить к первой половине IX в.

По словам В.О. Ключевского, «такие города становились центрами областей, возникали среди населения, жившего по главным речным торговым линиям Днепра, Волхова и Западной Двины» [20].

Ещё до образования государства Киевская Русь на севере Восточно-Европейской равнины благодаря функционированию торгового пути, связывавшего Европу с волжско-окским речным путём, формировалась социально-экономическая система, представлявшая собой зачатки ранней государственности [21].

Мотивами, питающими заинтересованность и добровольную интеграцию славянских и финно-угорских племён в военно-торговую организацию Киевской Руси, являлись потребность в сбыте и обмене спорадически возникающих небольших излишков от хозяйственной деятельности (воска, пушнины, визиги и т. д.) и участие в широкомасштабных военных кампаниях, приносящих трофеи.

В остальном Древнерусское государство представляло собой конгломерат княжеско-дружинных сообществ, с одной стороны, и общностей аборигенов (славян и финно-угров) – с другой, сохранявших культурную автономию и имевших собственных предводителей [22].

«Отношения между Киевом и другими землями регулировались договорами (русский ряд), – пишет А.П. Новосельцев. – Этими же договорами

определялось право великого князя на полюдые – основной источник благосостояния ранних киевских князей и их дружины (руси)» [17, с. 15].

Благодаря функционированию трансевропейских торговых путей Древняя Русь, включённая в их систему с первых этапов своей истории, формировалась как мультикультурное образование, связанное с основными центрами евразийской цивилизации (Восточным халифатом, Северной Европой, Византией).

Свидетельством тому служат и современные археологические открытия.

Так, в Суздальском Ополье найдены многочисленные артефакты из меди, олова, свинца, серебра XI–XIII вв., на три столетия опередившие добычу цветных металлов на Руси, а в курганах на территории, населявшейся финно-угорскими племенами меря, найдены кресты и энколпионы.

Спектральный анализ позволил установить происхождение цветных металлов – это Малая Азия, Балканы, Германия и Швеция [23].

Экспедиция Нижегородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника совместно с ИА РАН осенью 2022 г. раскопала 11 могил муромы на правом берегу Оки, датируемые первой четвертью X в. Во многих обнаружены изделия из цветных металлов и серебряные монеты (дирхемы) Арабского халифата. Как утверждают учёные, «находка монет и гирек доказала: среди муромы на правом берегу Оки происходили те же процессы, что и в левобережье, – с X века племя активно включалось в международную торговлю».

Ока была одним из участков Волжского торгового пути – речной

²⁰ Ключевский В.О. Сочинение в 8 томах. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. С. 137.

²¹ Лесной С. Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М.: Родина, 2020; Седов В.В. Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4.

²² Горский А.А. Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X в. // Вопросы истории. 1999. № 8.

²³ Героева А.Н. Суздальская вертикаль власти // Коммерсантъ-Наука. 2023. № 26.

торговой магистрали, связывавшей в раннем Средневековье Скандинавию с халифатом. Согласно представлениям современных исследователей, «в конце IX – начале X века движение дирхемов по ней подпитывало экономическое развитие молодой Руси, Хазарского каганата и Волжской Булгарии» [24].

Свою лепту в формирование евразийской интеграции внесло объединение огромной территории материка в Монгольскую империю.

Включение разорванной на отдельные общины и государственные образования Древней Руси в состав Монгольской империи имело глубокие социально-экономические последствия.

В трактовке этого непростого периода отечественной истории наблюдается некоторый перекосяк в сторону акцентов, отражающих тяжесть потерь вследствие собственно нашествия, бремени татарского ига и стихийного народного сопротивления. При этом другие, не менее важные и необходимые для создания объективной картины события, происходящие в XIII–XV вв., остаются вне поля зрения исследователей.

В.О. Ключевский не без основания считал, что если бы не внешний фактор (монголо-татарское нашествие), то удельный порядок на северо-востоке России, в формировании которого существенную роль играла колонизация ранее не освоенных земель, неизбежно привёл бы к становлению политического порядка враждующих и всё более об-

особляющихся друг от друга «лоскутных территорий».

Детально исследовавший обстоятельства трагедии XIII в. Северо-Восточной Руси А.Н. Насонов отмечал, что только Рязань и Владимир, оказавшие серьёзное сопротивление, были значительно разрушены, в то время как сдавшиеся завоевателям (Ростов, Углич, Ярославль, Тверь, Кострома, Переяславль) «не подверглись, кажется, такому опустошению и разорению» [25].

Не безусловной выглядит оценка «сокрушительной» роли монголо-татарского ига в экономике Северо-Восточной Руси. Труды археологов содержат убедительные свидетельства преемственности технологических приёмов обработки металлов, ювелирного, гончарного производства XIV–XV вв., мастерства «домонгольского времени» [26].

Совсем неблагоприятным занятием стало бы взвешивание отрицательных и положительных последствий акта интеграции Древней Руси в состав Монгольского государства. Безусловно, не умаляя трагизма, связанного с понесёнными Северо-Восточной Русью жертвами и потерями тысяч людей, угнанных в неволю, всё же следует заметить, что в ряду последствий монгольского завоевания нельзя упускать его положительные стороны. Существование русских земель в составе огромной империи значительно расширило, говоря современным языком, их экономическое и информационное пространство за счёт связей с территориями древних цивилизаций Китая, Персии и исторической областью Мавераннахра.

²⁴ Грибова О. Куда пропала правобережная мурома // Коммерсантъ-Наука. 2023. № 19.

²⁵ Насонов А.Н. Монголы на Руси // Свод Bibliotheca Gumileva. В 2 томах. Серия II. Арабески истории. Т. 1. Русский разлив. Вып. 3–4. М.: ДИ-ДИК, 1997. С. 218.

²⁶ Бельская Д.А. Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV вв. // Археология СССР. Многотомник. Т. 16. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997.

Новейшие исследования показывают, что ведущей отраслью экономики и основным источником благосостояния Орды был не выход с подвластных территорий*, а организация международной торговли, участником которой стал, естественно, и «русский улус».

Согласно современным данным археологии, уже к концу XIII в. русские города возрождались и вели активную торговлю со странами Востока [27]. Существование в условиях активного культурного обмена укоренило в российском аксеологическом коде особое качество адаптивности к культурной интеракции, укрепившееся впоследствии в ходе «внутренней колонизации» [28].

Как утверждают историки, «новая монгольская тамга**», административным центром которой, вероятно, считался Киев, а основные пастбища располагались в степях к западу от Днепра», сформировалась в Южной Руси [29]. В северо-восточной части Древнерусского государства какой-либо значительный контингент монголо-татарской конницы мог комфортно передвигаться только по руслам замёрзших рек, а про местные пастбища и говорить не приходится.

Ограниченные возможности в рамках территорий, на которой происходило зарождение «новой московской государственности», присутствие постоянного оккупационного контингента создавало более

благоприятные условия для населения Северо-Восточной Руси и являлось важным фактором культурной интеграции, в том числе с тюркскими и монгольскими народами.

Показателем культурного сближения «москвитов» и «степняков» стало заимствование тюркизмов русским языком, о котором писал казахский поэт О. Сулейменов [30].

Восточную ориентацию нового Московского государства В.В. Путин охарактеризовал «цивилизационным выбором». Говоря о политике Александра Невского, президент России заметил: «Это был цивилизационный выбор. По какому пути развития идти стране – западноевропейскому или евразийскому (на то время монгольскому)? Вопрос сложный, а решать надо было быстро. Александр Ярославич выбрал восточный путь и выступил против Ливонского ордена, который в то время представлял Запад» [31].

И далее о судьбоносном выборе Александра Невского: «Давайте вспомним то, – говорил В.В. Путин, – что происходило во времена, скажем, Александра Невского. Ведь он ездил в Орду, кланялся ордынским ханам,

²⁷ Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб.: Абеверга, 1997. Вып. 42. С. 46–48.

²⁸ Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

²⁹ Майоров А.В. «Умиротворение и контроль»: монгольское правление на Руси в середине XIII в. // Российская история. 2023. № 5. С. 4, 11.

³⁰ Сулейменов О. Аз и Я. М.: Т8 Rugram, 2022.

³¹ Благоверный князь Александр оказался провидцем. Путин об Александре Невском и цивилизационном выборе России // URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/11/06/putin_ob_aleksandre_nevskom_i_civilizacionnom_vybore_rossii

* Достаточно лояльный режим взимания «выхода» позволил, например, Ивану Калите использовать в своих политических целях значительную часть причитающихся татарам средств.

** Специальное военное подразделение, использовавшееся как силы безопасности и поддержания монгольской власти над покорёнными странами.

получал ярлык на княжение в том числе и прежде всего для того, чтобы эффективно противостоять нашествию Запада. Почему? Потому что ордынцы вели себя нагло, жестоко, но они не затрагивали главного – нашего языка, традиций, культуры, на что претендовали западные завоеватели. И это – самое главное, потому что если разрушается культура, традиции и история народа, то народ постепенно начинает исчезать как этнос, растворяться, как снег поздней весной.

Почему мы так почитаем Александра Невского как святого? Именно за этот выбор. Он думал о том, чтобы сохранить русский народ, а затем и все народы, проживающие на территории нашей огромной страны» [32].

Таким образом, с момента своего зарождения российская государственность становилась многокультурной, многосоставной и комплементарной к восприятию внешних культурных влияний.

«Россия велика, – писал И.А. Ильин, – многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им» [33].

Подписание в 1689 г. русско-китайского Нерчинского договора способствовало углублению культурного

обмена евразийских стран в рамках Великого чайного пути, соединившего Москву и Пекин [13, с. 303–306].

В рамки формировавшейся евразийской идентичности органично вписывались социокультурные основания, сближающие Россию и Китай. Российско-китайская культурная общность обусловлена основополагающей чертой исторического процесса, проецирующей на весь спектр социальных отношений, а именно продолжительностью развития в лоне традиционного общества, важнейшей характеристикой которого является регуляторная функция традиций, обычаев, нравственных норм [34]. Даже став индустриальными, и Россия, и Китай остались обществами, «поведение членов которых основано не на рациональном целеполагании (в современном смысле), а на опыте, традиции, ритуале, воспроизводстве устойчивых форм мышления, поведения и восприятия» [35].

Отмеченная особенность культурного развития, способствовавшая сближению народов азиатской части света, присуща большинству народов, находящихся на этом пространстве. В рамках традиционного общества у азиатов сложилось особое мироощущение, в котором человек является частью природы, космоса, абсолютной истины, неземного происхождения.

³² Выступление Владимира Путина перед членами Общественной палаты. 4 ноября 2023 года // URL: <https://14.ru/text/politics/2023/11/04/72880139>

³³ Ильин И.А. Россия есть живой организм // Наши задачи. В 2 томах. М.: Парог, 1992. Т. 1. С. 233.

³⁴ Егоров В.Г., Штоль В.В. Историко-культурные основания российско-китайского сотрудничества // Международная жизнь. 2019. № 12.

³⁵ Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4.

Напротив, на Западе стремление к освобождению созидательного потенциала личности как необходимого социального основания нарождающегося капитализма привело к революционному изменению мировоззрения [36].

Вручив человеку собственную судьбу и свободу выбора, католицизм допустил возможность рукотворного Царства Христова на земле. Учреждения земные, в том числе государство, потеряли божественное окормление и нравственный смысл, превратившись в результат рационального выбора и общественного договора, изменяемые и трансформируемые по воле граждан и в интересах граждан. Таким образом, выражаясь языком Ф.И. Тютчева, Западом было преодолено «расстояние, отделяющее божественное от человеческого». Реформация окончательно ликвидировала небольшой зазор между абсолютным и земным, сохраняемым Римом. Попытка отцов-основателей США уйти от секуляризации государства ничего не дала. Протестантские устои и рационализм привели к депривации христианских ценностей.

Утрата христианских смыслов имела множество социетальных последствий для Запада, одним из которых стало доминантное положение в общественной иерархии «смысл – форма» формальных институтов и процедур. Приоритетное положение в социальных ценностях заняли рукотворные установления,

а не идеи и смыслы, стоящие за формальной процедурой.

Подтверждением сказанному может служить объективное процедурно-минималистское определение демократии, данное Й. Шумпетером.

В представлении известного социолога, демократия как главное достояние западной цивилизации есть метод принятия политических решений, а не ценность; власть политиков, а не власть народа, роль которого в процедуре ограничивается участием в выборах [37].

Надо ли специально останавливаться на доказательстве того, что в таком формате демократия не имеет ничего общего с народовластием, тем более что этот факт очевиден и для западных политологов [38]?

Несовершенство западной процедурной демократии отмечал Ф.И. Тютчев, который писал: «Западная демократия, превратив себя в предмет собственного культа... слепо следовала инстинктам, которые развивались в ней благодаря собственным доктринам более чем кому бы то ни было» [39].

Россия, являясь по своему происхождению и социетальным основаниям страной мультикультурной, с самых ранних этапов своего исторического пути, естественно, становилась центром *евразийской идентичности*. В этом смысле государства с моноэтническим, монолингвистическим населением, объединяющие родственные или близкие по культурному коду народы, обладали значительно меньшим потенциалом евразийской аккультурации.

³⁶ Егоров В.Г., Абрамов А.В. Аксиологический контекст политической модернизации России // Вестник Российской нации. 2014. № 5.

³⁷ Шумпетер И. Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995. С. 242, 269, 284.

³⁸ Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010.

³⁹ Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М.: Культурная революция, 2007. С. 79.

Один из основателей евразийского движения, П.Н. Савицкий, называя Россию «срединным миром», писал: «Здесь важно указать на те соответствия, которые являет этому стремлению область геополитики. Россия-Евразия есть центр Старого Света. Устраните этот центр – и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Индокитай, Китай, Япония) превращается как бы в “рассыпанную храмину”. Этот мир, лежащий к востоку от границ Европы и к северу от “классической” Азии, есть то звено, которое спаивает в единство их все. Это очевидно в современности, это станет ещё явственней в будущем» [40].

Культурное сближение народов, например в Османской империи, осуществлялось через господство титульного этноса, что не являлось характерной чертой российского социокультурного процесса.

Современная доминанта «европейскости» в интеграционном объединении Европейского союза, предполагающая культурную ассимиляцию неевропейцев (исходным посылом которой является раздел мира на «европейский райский сад» и окружающие его «джунгли»), может служить инструментом культурной экспансии, явно не ориентированной на генерацию идентичности, выходящей за пределы Европы.

Например, «Восточное партнёрство» – проект Евросоюза, который изначально поддержали Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Молдавия и Украина, имел целью не конструктивный вклад в евразийскую общность, а, напротив, её структу-

рирование по цивилизационному выбору «Запад – не-Запад». Мало того, проект «конструирования» собственно европейской идентичности Ф. Фукуяма считает малоуспешным [41].

Аналогичным образом не могут претендовать на консолидирующую роль в Евразии конструируемые политические панидентичности, «оспаривающие» традиционно сформировавшиеся идентичности.

Например, на реализацию политических амбиций политического класса Польши ориентирован проект «*Междуморья*».

Ещё в 1974 г. польский эмигрант Ю. Мирошевский в статье «Польский комплекс России и территория УЛБ*» писал: «Умерли ли в нас империалистические тенденции, является ли исторический русский “польский комплекс” безосновательным? Не думаю. Много ныне живущих поляков мечтают не только о польском Львове и Вильнюсе, а даже о польском Минске и Киеве. Многие считают идеалом независимую Польшу в федерации с Литвой, Украиной и Белоруссией, иными словами, альтернативой русскому империализму может быть только польский империализм, и всегда было так» [42].

В настоящее время геополитический проект «*Междуморья*» направлен не только против России, но и против Китая, так как в случае его реализации станет «почти идеальной пространственной “пробкой” на пути китайского глобального проекта “Пояс и путь”». Преодолеть препятствие за счёт изменения маршрутов будет сложно, если вообще

⁴⁰ Русский мир. Сб. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С. 801.

⁴¹ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019.

⁴² Польская геометрия: в Люблине возрождается Речь Посполитая // URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/07/29_a_13169611.shtml

* УЛБ – территория Украины, Литвы, Белоруссии.

возможно. Главное (как, вероятно, считают в США) – контроль будет принадлежать американцам» [43].

Под предлогом восстановления единства тюркских народов активно продвигается *доктрина пантюркизма*, на самом деле ориентированная на обеспечение лидерства Турции в Центральной Азии, а по большому счёту в Евразии. Однако для достижения сколько-нибудь ощутимых результатов это начинание, вполне пригодное в качестве средства «противодействия» имперским амбициям России», упирается в нежелание элиты постсоветских независимых государств способствовать появлению в регионе «нового старшего брата» в лице Турецкой Республики.

Замыкание политики идентичности на национальной или партикулярной повестке, исключающей инклюзию интересов всех участников интеграционного процесса, если и может привести к успеху, то только временному.

Так, стратегия формирования европейской идентичности в рамках ЕС очевидно даёт сбой всякий раз, когда решения Брюсселя не учитывают национальные интересы объединённых народов.

Особенно отчётливо европейский «мейнстрим» идентичности буксует в связи с суверенной позицией Венгрии, Сербии, Польши и даже немец-

кого общества, в котором явно нарастают политические силы, выступающие за нерушимость национальных интересов.

В этой связи следует заметить, что, например, национальная политика российского царизма строилась на основе учёта культурных, языковых, хозяйственных особенностей народов, входящих в состав империи [44]. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что «колониальная» политика русского царизма качественно отличалась от европейской, а тем более североамериканской колониальной политики. Хотя и комплементарная, но не увенчавшаяся успехом национальная политика России в отношении Польши и Финляндии в конечном итоге привела к выходу их из единого государства.

Вполне исчерпывающе по этому поводу высказался И.А. Ильин: «Живя и творя на своём языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами со своими замиренными соседями, вчувствовался в их жизнь, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевал их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы и их одежды и простосердечно и искренно считал их своими братьями; но никогда не гнал их, не стремился денационализировать их (по германскому обычаю!) и не преследовал их. Мало того, нередко он впервые слагал для них буквенные знаки и переводил им на их язык Евангелие» [45].

⁴³ Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Новое вино в старые мехи. Проект «Междуморья» как очередной виток европейской истории // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5.

⁴⁴ Демешек Л.М., Демешек И.Л. Крайняя политика как фактор устойчивости российской истории XVIII – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21; Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия «Политическая история». Международные отношения. 2010. № 4; Национальная политика Александра I в Российской империи // URL: <https://istoriarusi.ru/imper/nacionalnaya-politika-aleksandr-1.html> и др.

⁴⁵ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2 томах. М.: Рарог, 1992. Т. 1. С. 235.

Немаловажным основанием позиционирования России как центра евразийской интеграции стало генерирование целеполагания общественного развития, привлекательного и доступного для большинства народов, не только объединяемых в одном государстве, но и за его пределами.

Православное мироустройство, воплощённое в стремлении к правде и справедливости и в том числе даже искажённое коммунистической идеологией равенства и братства, органически вплетённое в русский этос, противное борьбе за суверенные права личности, «пронизывающей всю европейскую историю», несмотря на религиозные отличия, привлекало народы, культурные предпочтения которых не определялись «рациональным эгоизмом».

Пересказывая слова Ивана Пересвета, адресованные царю Ивану Васильевичу, Н.Н. Алексеев утверждал, что «Россия может быть только государством правды» [8, с. 95].

Вечные искания правды реализовывались в том числе в народной «вольнице», толкавшей русских на освоение бескрайних просторов. Осваивая Сибирь, Степь и Причерноморье, они несли туда «вечную правду», доступную и понятную другим народам.

Об этом Н.Н. Алексеев писал, что «кочевая вольница была даже нашей своеобразной стихией, проявлявшейся и в новгородских „ушкунниках“, и в славных низовых „товариществах“ южного каза-

чества. Особенностью нашего государства было то, что вокруг него на юге и востоке простирались бесконечные земли, где укрыться было действительно легко и удобно. В этом наше отличие от Запада, где мир был узок и укрыться было некуда, разве только в бесконечных морских пространствах. Поэтому проблема Запада была проблемой, решаемой на конечной территории, а наша проблема разрешалась на территории неопределённой. Потому на Западе стремились к усовершенствованию внутренней стороны общественной жизни, а у нас стремились к внешнему расширению в пространстве» [46, с. 73].

Колониальная политика Европы имела абсолютно рациональное целеполагание: поиск новых рынков сырья и сбыта, в то время как освоение окраин русскими осуществлялось прежде всего как стремление к свободе, так же как ограниченность европейского пространства во избежание «борьбы каждого против всех» обуславливала рационализацию социального порядка, при этом соборность русских имела в основании стремление к равенству «во Христе» и мирской справедливости.

Именно имея в виду вечную мечту русского о совершенном мире на фоне реальной неустойчивости, посол Франции в России Морис Палеолог писал: «Русский видит впереди только далёкие убегающие горизонты, туманные, смутные дали. Понимание реальности в настоящем и грядущем доступно русским лишь при помощи грёз» [46].

Идеи социализма потому и легли (по марксистским представлениям) на самую неблагоприятную российскую социальную почву, что таковая уже была напитана извечной народной мечтой о правде, воплощённой

⁴⁶ Ни один народ не поддаётся так легко влиянию и внушению // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3083147>

в государстве-общине равных землепашцев.

Народная правда, декларируемая российскими революционерами, была близка и народам, объединённым в империю. Никакая военная сила (кстати, на первых этапах революции весьма ограниченная) не могла бы удержать их единство. О силе «народной правды», исходившей от центра евразийства, свидетельствовало поистине огромное влияние русской революции на всю планетарную цивилизацию*.

«До некоторой степени Запад был уже стихийно преодолен большевизмом, – писал Н.Н. Алексеев, – несмотря на чисто западнический характер вдохновляющего большевиков марксистского идеала. Отличительной от новейшей Европы чертой Востока является то особое религиозное горение, та особая атмосфера веры, которыми были проникнуты древние и восточные культуры. По общему признанию, эта атмосфера веры составляла основную особенность духовной жизни старой России. И надо сказать, её не мог погасить русский марксизм, несмотря на официальную проповедь неверия» [46, с. 145].

Воплощение вселенской идеи правды, даже в искажённой общественной практике реального социализма, результативалось в том числе в новом качестве евразийской идентичности. Новая историческая общность «советский народ», сформировавшаяся в СССР, хотя и не получила логического завершения, но всё же обрела вполне осязаемые очертания.

Не ссылаясь на многочисленные постсоветские исследования, за подтверждением этого факта обратимся к современному, отстоящим от социалистического прошлого на 30 лет.

Согласно данным социологического опроса, проведённого в июне – октябре 2022 г. сотрудниками Астраханского и Кубанского университетов, большая часть казахов оценивают положительно российско-казахстанские отношения: «как имеющие историю – 84,5%, как добрососедские – 78,6%, как братские – 69%» [47, с. 88], а 66,7% опрошенных указали, что граждан современных государств Казахстана, России, Азербайджана и Туркмении объединяет советское прошлое [48, с. 91]. Важно отметить, что 45% респондентов заявили, что на территории Казахстана приоритетными в использовании должны быть казахский и русский языки [48, с. 96].

Созвучны с приведёнными результаты опроса населения Узбекистана, проведённого в июле-августе 2023 г. сотрудниками Института стран СНГ (г. Москва).

Состояние и перспективы дружбы России и Узбекистана положительно оценили: граждане до 25 лет – 69,7%, от 25 до 40 лет – 73,3%, свыше 40 лет – 82,7%. Конечно, в связи с оценкой советского прошлого зависимость нарастания её положительного значения в группах старшего возраста выглядит неслучайной [48].

Специальные интервью, проводимые в ходе исследования, подтверждают позитивную оценку советского прошлого пожилыми узбеками.

Вот, например, как об этом говорила одна пенсионерка: «К русским относятся очень хорошо. Все, кто жил в СССР, – они все русские, я так считаю». Созвучных этому мнений при проведении опроса было высказано достаточно.

⁴⁷ Романова А.П., Морозова Е.В. Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 88.

⁴⁸ Институт стран СНГ. Текущий архив. 2023 г.

* В России, в отличие от Франции, отмечающей День взятия Бастилии, перестали отмечать не менее знаковое для мировой истории событие – Октябрь 1917 г.

Следует заметить, что важную роль в сохранении и развитии евразийской идентичности вносит современная политика России, направленная на поддержку неотъемлемого права каждого народа и государства на суверенное развитие и сохранение своих историко-культурных корней.

Только в равноправном диалоге культур, ценностей и социальных ориентиров может продуцироваться органичная ткань мультикультурности, скрепляющей развивающиеся идентичности.

Библиография • References

- Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. – 635 с.
[*Alekseev N.N.* Russkij narod i gosudarstvo. M.: Agraf, 2003. – 635 s.]
- Беленькая Д.А.* Наследие домонгольской Руси в ремесле XIV–XV вв. // Археология СССР. Многотомник. Т. 16. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 221–225.
[*Belen'kaya D.A.* Nasledie domongol'skoj Rusi v remesle XIV–XV vv. // Arheologiya SSSR. Mnogotomnik. T. 16. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura. M.: Nauka, 1997. S. 221–225]
- Бердяев Н.А.* Русская идея. Миросозерцание Достоевского. М.: Э, 2016. – 509 с.
[*Berdyayev N.A.* Russkaya ideya. Mirosozercanie Dostoevskogo. M.: E, 2016. – 509 s.]
- Благоверный князь Александр оказался провидцем. Путин об Александре Невском и цивилизационном выборе России // URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/11/06/putin_ob_aleksandre_nevskom_i_civilizacionnom_vybore_rossii
- [*Blagovernnyj knyaz' Aleksandr okazalsya providcem. Putin ob Aleksandre Nevskom i civilizacionnom vybore Rossii* // URL: https://ruskline.ru/news_rl/2023/11/06/putin_ob_aleksandre_nevskom_i_civilizacionnom_vybore_rossii]
- Богатуров А.Д., Виноградов А.В.* Модель равноположенного развития: варианты «сберегающего» обновления // Полис. 1999. № 4. С. 60–69.
[*Bogaturov A.D., Vinogradov A.V.* Model' ravnopolozhennogo razvitiya: varianty «sberegayushchego» obnovleniya // Polis. 1999. № 4. S. 60–69]
- Булкин В.В., Дубов И.В., Лебедев Г.С.* Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ. – 150 с.
[*Bulkin V.V., Dubov I.V., Lebedev G.S.* Arheologicheskie pamyatniki Drevnej Rusi IX–XI vv. L.: Izd-vo LGU. – 150 s.]
- Бутрин Д.* Обратно к тысячелетней истине // Коммерсантъ. 2021. № 22(6984).
[*Butrin D.* Obratno k tysyacheletnej istine // Kommersant». 2021. № 22(6984)]
- Выступление Владимира Путина перед членами Общественной палаты. 4 ноября 2023 года // URL: <https://14.ru/text/politics/2023/11/04/72880139>
- [*Vystuplenie Vladimira Putina pered chlenami Obshchestvennoj palaty. 4 noyabrya 2023 goda* // URL: <https://14.ru/text/politics/2023/11/04/72880139>]
- Героева А.Н.* Суздальская вертикаль власти // Коммерсантъ-Наука. 2023. № 26.
[*Geroeva A.N.* Suzdal'skaya vertikal' vlasti // Kommersant»-Nauka. 2023. № 26]
- Горский А.А.* Государство или конгломерат конунгов? Русь в первой половине X в. // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 43–52.
[*Gorskiy A.A.* Gosudarstvo ili konglomerat konungov? Rus' v pervoj polovine X v. // Voprosy istorii. 1999. № 8. S. 43–52]

- Грибова О. Куда пропала правобережная мурома // Коммерсантъ-Наука. 2023. № 19.
- [Gribova O. Kuda propala pravoberezhnaya muroma // Kommersant»-Nauka. 2023. № 19]
- Данилевский Н.Я. Цивилизация европейская тождественна ли с общечеловеческой? // Русская историософия. Антология. М.: РОССПЭН, 2006. – 448 с.
- [Danilevskij N.YA. Civilizaciya evropejskaya tozhdestvenna li s obshchechelovecheskoj? // Russkaya istoriosofiya. Antologiya. M.: ROSSPEN, 2006. – 448 s.]
- Демешек Л.М., Демешек И.Л. Окраинная политика как фактор устойчивости российской истории XVIII – начала XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2017. Т. 21. С. 23–29.
- [Demeshek L.M., Demeshek I.L. Okrainnaya politika kak faktor ustojchivosti rossijskoj istorii XVIII – nachala XX v. // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya». 2017. T. 21. S. 23–29]
- Докашева Е.С. Великий Шёлковый путь. Полная история. М.: АСТ, 2020. – 319 с.
- [Dokasheva E.S. Velikij SHyolkovyj put'. Polnaya istoriya. M.: AST, 2020. – 319 s.]
- Древняя Русь: новые исследования. Вып. 2. Серия «Славяно-русские древности». СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – 250 с.
- [Drevnyaya Rus': novye issledovaniya. Vyp. 2. Seriya «Slavyano-russkie drevnosti». SPb.: Izd-vo SPbGU, 1995. – 250 s.]
- Евстафьев Д.Г., Межевич Н.М. Новое вино в старые мехи. Проект «Междуморья» как очередной виток европейской истории // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 5. С. 178–190.
- [Eustafev D.G., Mezhevich N.M. Novoe vino v starye mekhi. Proekt «Mezhdumor'ya» kak ocherednoj vitok evropejskoj istorii // Rossiya v global'noj politike. 2023. T. 21. № 5. S. 178–190]
- Егоров В.Г., Абрамов А.В. Аксиологический контекст политической модернизации России // Вестник Российской нации. 2014. № 5. С. 118–133.
- [Egorov V.G., Abramov A.V. Aksiologicheskij kontekst politicheskoy modernizacii Rossii // Vestnik Rossijskoj nacii. 2014. № 5. S. 118–133]
- Егоров В.Г., Штоль В.В. Историко-культурные основания российско-китайского сотрудничества // Международная жизнь. 2019. № 12. С. 118–129.
- [Egorov V.G., SHtol' V.V. Istoriko-kul'turnye osnovaniya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva // Mezhdunarodnaya zhizn'. 2019. № 12. S. 118–129]
- Ефременко Д.В. Мировпорядок Z. Необратимость изменений и перспективы выживания // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3. С. 12–30.
- [Efremenko D.V. Miroporyadok Z. Neobratimost' izmenenij i perspektivy vyzhivaniya // Rossiya v global'noj politike. 2022. T. 20. № 3. S. 12–30]
- Журавлева С.М., Иванов А.В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 1. С. 7–19.
- [Zhuravleva S.M., Ivanov A.V. Evrazijskaya civilizacionnaya identichnost' kak mirovozzrencheskoe osnovanie novogo ob»edineniya Evrazii // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. 2016. № 1. S. 7–19]
- Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов. В 2 томах. М.: Papor, 1992. Т. 1. – 616 с.
- [Il'in I.A. Nashi zadachi. Istoricheskaya sud'ba i budushchee Rossii. Stat'i 1948–1954 godov. V 2 tomah. M.: Papor, 1992. T. 1. – 616 s.]

Институт стран СНГ. Текущий архив. 2023 г.

[Institut stran SNG. Tekushchij arhiv. 2023 g.]

Киор В.Б. Государственная национальная политика в имперской России // Вестник РГГУ. Серия «Политическая история». Международные отношения. 2010. № 4. С. 204–211.

[Kior V.B. Gosudarstvennaya nacional'naya politika v imperskoj Rossii // Vestnik RGGU. Seriya «Politicheskaya istoriya». Mezhdunarodnye otnosheniya. 2010. № 4. S. 204–211]

Ключевский В.О. Сочинение в 8 томах. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1. – 328 с.

[Klyuchevskij V.O. Sochinenie v 8 tomah. M.: Gospolitizdat, 1956. T. 1. – 328 s.]

Крауч К. Постдемократия. М.: ВШЭ, 2010. – 192 с.

[Krauch K. Postdemokratiya. M.: VSHE, 2010. – 192 s.]

Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. – 639 с.

[Lebedev G.S. Epoha vikingov v Severnoj Evrope i na Rusi. SPb.: Evraziya, 2005. – 639 s.]

Лепешев Д.В. Евразийская цивилизационная идентичность: к определению понятия // Вестник КемГУКИ. Серия «Культурология». 2019. № 48. С. 24–32.

[Lepeshev D.V. Evrazijskaya civilizacionnaya identichnost': k opredeleniyu ponyatiya // Vestnik KemGUKI. Seriya «Kul'turologiya». 2019. № 48. S. 24–32]

Лепешев Д.В. Проблемы культурной идентичности в современном евразийском пространстве // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 1. № 2. С. 103–107.

[Lepeshev D.V. Problemy kul'turnoj identichnosti v sovremenном evrazijskom prostranstve // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2018. T. 1. № 2. S. 103–107]

Лесной С. Откуда ты, Русь? Крах норманнской теории. М.: Родина, 2020. – 304 с.

[Lesnoj S. Otkuda ty, Rus'? Krah normannskoj teorii. M.: Rodina, 2020. – 304 s.]

Льюкс Л. Евразийство // Вопросы философии. 1993. № 6. С. 105–114.

[Lyuks L. Evraziystvo // Voprosy filosofii. 1993. № 6. S. 105–114]

Майоров А.В. «Умиротворение и контроль»: монгольское правление на Руси в середине XIII в. // Российская история. 2023. № 5. С. 3–22.

[Majorov A.V. «Umirovtvorenie i kontrol'»: mongol'skoe pravlenie na Rusi v seredine XIII v. // Rossijskaya istoriya. 2023. № 5. S. 3–22]

Мартин А. Россия и Европа // Русский вопрос в истории политики и мысли. Антология. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 364–387.

[Martin A. Rossiya i Evropa // Russkij vopros v istorii politiki i mysli. Antologiya. M.: Izd-vo MGU, 2013. S. 364–387]

Насонов А.Н. Монголы на Руси // Свод Bibliotheca Gumileva. В 2 томах. Серия II. Арабески истории. Т. 1. Русский разлив. Вып. 3–4. М.: ДИ-ДИК, 1997. – 556 с.

[Nasonov A.N. Mongoly na Rusi // Svod Bibliotheca Gumileva. V 2 tomah. Seriya II. Arabeski istorii. T. 1. Russkij razliv. Vyp. 3–4. M.: DI-DIK, 1997. – 556 s.]

Национальная политика Александра I в Российской империи // URL: <https://istoriarusi.ru/imper/nacionalnaya-politika-aleksandr-1.html>

[Nacional'naya politika Aleksandra I v Rossijskoj imperii // URL: <https://istoriarusi.ru/imper/nacionalnaya-politika-aleksandr-1.html>]

Ни один народ не поддается так легко влиянию и внушению // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3083147>

- [Ni odin narod ne poddayotsya tak legko vliyaniyu i vnusheniyu // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3083147>]
- Новосельцев А.П.* Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2–3. С. 3–17.
- [*Novosel'cev A.P.* Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i pervyj ego pravitel' // Voprosy istorii. 1991. № 2–3. S. 3–17]
- Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28–30 апреля 1997 г. СПб.: Абевега, 1997. Вып. 42. – 165 с.
- [*Novye issledovaniya arheologov Rossii i SNG. Materialy plenuma IIMK RAN 28–30 aprelya 1997 g.* SPb.: Abevega, 1997. Vyp. 42. – 165 s.]
- Носов Е.Н.* Речная сеть Восточной Европы и её роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М.: Русские словари, 1999. С. 157–170.
- [*Nosov E.N.* Rechnaya set' Vostochnoj Evropy i eyo rol' v obrazovanii gorodskih centrov Severnoj Rusi // Velikij Novgorod v istorii srednevekovoj Evropy. M.: Russkie slovari, 1999. S. 157–170]
- Политическая идентичность и политика идентичности. Т. I. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. М.: РОССПЭН, 2011. – 208 с.
- [*Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti. T. I. Identichnost' kak kategoriya politicheskoy nauki. Slovar' terminov i ponyatij.* M.: ROSSPEN, 2011. – 208 s.]
- Польская геометрия: в Люблине возрождается Речь Посполитая // URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/07/29_a_13169611.shtml
- [*Pol'skaya geometriya: v Lyubline vozrozhdaetsya Rech' Pospolitaya* // URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/07/29_a_13169611.shtml]
- Романов Б.* Наблюдая бурный синтез цивилизаций // Независимая газета. 2023. № 254(8881). 21 ноября.
- [*Romanov B.* Nablyudaya burnyj sintez civilizacij // Nezavisimaya gazeta. 2023. № 254(8881). 21 noyabrya]
- Романова А.П., Морозова Е.В.* Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 85–102.
- [*Romanova A.P., Morozova E.V.* Konstruirovanie novyh identichnostej v sovremennom Kazahstane: tendencii i orientiry // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. T. 67. № 7. S. 85–102]
- Русский мир. Сб. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 858 с.
- [*Russkij mir. Sb.* M.: Eksmo; SPb.: Terra Fantastica, 2003. – 858 s.]
- Свердлов М.Б., Шаскольский И.П.* Культурные связи России и Швеции в IX–XVI вв. // Скандинавский сборник. 1986. № 30. С. 113–123.
- [*Sverdlov M.B., SHaskol'skij I.P.* Kul'turnye svyazi Rossii i SHvecii v IX–XVI vv. // Skandinavskij sbornik. 1986. № 30. S. 113–123]
- Седов В.В.* Русский каганат IX в. // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3–15.
- [*Sedov V.V.* Russkij kaganat IX v. // Otechestvennaya istoriya. 1998. № 4. S. 3–15]
- Смит Э.Д.* Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий нации и национализма. М.: Праксис, 2004. – 466 с.
- [*Smit E.D.* Nacionalizm i modernizm. Kriticheskij obzor sovremennyh teorij nacji i nacionalizma. M.: Praksis, 2004. – 466 s.]
- Степун Ф.А.* Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. – 998 с.

- [Stepun F.A. Sochineniya. M.: ROSSPEN, 2000. – 998 s.]
 Сулейменов О. Аз и Я. М.: T8 Rugram, 2022. – 333 с.
 [Sulejmenov O. Az i YA. M.: T8 Rugram, 2022. – 333 s.]
 Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Русский мир. М.: Эксмо, 2003. С. 738–765.
 [Trubeckoj N. O turanskom elemente v russkoj kul'ture // Russkij mir. M.: Eksmo, 2003. S. 738–765]
 Тютчев Ф.И. Россия и Запад. М.: Культурная революция, 2007. – 573 с.
 [Tyutchev F.I. Rossiya i Zapad. M.: Kul'turnaya revolyuciya, 2007. – 573 s.]
 Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Пабlisher, 2019. – 198 с.
 [Fukuyama F. Identichnost': Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya. M.: Al'pina Pablisher, 2019. – 198 s.]
 Шумпетер И. Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995. – 540 с.
 [SHumpeter I. Kapitalizm, socializm, demokratiya. M.: Ekonomika, 1995. – 540 s.]
 Эткнд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 448 с.
 [Etkind A.M. Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opyt Rossii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. – 448 s.]
 Bassin M., Kelly C. [eds.]. Soviet and Post-Soviet Identities. Cambridge, Cambridge University Press. 2012. – 386 p.

Статья поступила в редакцию 9 января 2024 г.

УВАЖАЕМЫЕ АВТОРЫ!

Просим обратить внимание на изменения требований к подготовке сопроводительной документации.

<https://www.observer-journal.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>